Ри Вьера

Расплата за чужой долг

18+

Ри Вьера

Расплата за чужой долг

«Автор»
2026

Вьера Р.

Расплата за чужой долг / Р. Вьера — «Автор», 2026

Муж сбежал за границу с любовницей и нашей дочерью, а мне оставил долг в четырнадцать миллионов. Его кредитор, Дамир Корсаков, показал мне расписку, где муж отдал меня в залог.Теперь я его секретарша. Он приказывает, я подчиняюсь. Он знает, где моя дочь, и за каждую крупицу правды я плачу собой.Я ненавижу его. Почему же от его прикосновений я теряю голову?ДисклеймерВнимание! 18+. Книга содержит откровенные сцены сексуального характера, элементы доминирования и подчинения, сцены психологического давления, шантажа и физического наказания, а также ненормативное поведение героев. Все события и персонажи вымышлены. Поступки героев не являются примером для подражания и не пропагандируются автором. Не рекомендуется впечатлительным читателям.

© Вьера Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Расплата за чужой долг

Глава 1

Приёмная на сорок втором этаже пахла дорогим деревом, свежемолотым кофе и чужой уверенностью, той самой, которой у Веры не осталось ни капли. Она сидела на краю кожаного кресла, сжимая на коленях папку с документами так крепко, что побелели пальцы, и думала о том, что последний раз надевала эти туфли на юбилей мужа. Тогда Олег весь вечер держал ладонь у неё на пояснице, улыбался партнёрам и шептал ей на ухо, что она самая красивая женщина в зале. Она верила. Господи, как же она тогда верила каждому его слову.

Через три месяца он исчез вместе с Алисой, двадцатипятилетней любовницей Кристиной из отдела продаж и всеми деньгами со счетов. После него остались пустая квартира, детская кроватка с недоеденной пачкой печенья под подушкой и долг, о котором Вера узнала из звонка незнакомого юриста. Четырнадцать миллионов. Первые сутки она смеялась, потому что такие цифры не могли иметь к ней никакого отношения. На вторые перестала спать. На третьи поняла, что её жизнь, аккуратная, тёплая, расписанная по дням между родительскими обязательствами и ужинами, была всего лишь декорацией, которую Олег разобрал за одну ночь.

«Он не мог так со мной, — повторяла она себе тогда, сидя на полу в детской. — Он любил нас. Он целовал Алису перед сном. Он не мог». Но он смог. И теперь она сидела в приёмной человека, которому её муж задолжал больше, чем она могла заработать за всю жизнь, и ждала, что этот человек решит её судьбу.

Частный детектив, которому она отдала последние сбережения и мамины серьги, пока нашёл только следы: Олег вылетел в Стамбул, а оттуда, возможно, дальше. Чтобы искать дальше, нужны были деньги. Чтобы вернуть дочь через суд, нужны были деньги. А Корсаков согласился её принять, и Вера никак не могла решить, было это чудом или ловушкой.

— Дамир Русланович ждёт вас, — сказала секретарша голосом, в котором не было ни капли сочувствия, да и не должно было быть.

Кабинет оказался огромным и почти тёмным. Вечерний город горел за панорамным стеклом тысячами огней, и на этом фоне человек за столом казался вырезанным из самой ночи. Вера помнила его. Корсаков бывал у них дома два или три раза, когда Олег ещё строил с ним совместные проекты, и всегда сидел молча, с бокалом, к которому почти не прикасался. Однажды на кухне, куда он вышел вслед за ней якобы за льдом, он долго смотрел, как она режет лимон, и Вера почувствовала этот взгляд кожей, будто чужие пальцы легли ей на затылок. Нож соскользнул, на пальце выступила кровь. Он ничего не сказал, просто подал ей салфетку, и его пальцы задержались на её запястье на секунду дольше, чем позволяли приличия. Весь тот вечер она ловила себя на том, что ищет его глазами, и ночью, лёжа рядом со спящим мужем, долго не могла уснуть, злясь на себя за глупость.

Теперь седина на его висках стала заметнее, а тонкий шрам на брови придавал лицу выражение спокойной угрозы.

— Садитесь, — сказал он, не поднимая глаз от бумаг.

Она села. Он продолжал читать, и прошла минута, потом другая, и Вера с каждой секундой чувствовала себя всё меньше, всё глупее, как школьница, которую вызвали к директору и забыли. Она понимала, что это нарочно. Что он даёт ей прочувствовать, кто здесь хозяин. И всё равно не могла заставить себя заговорить первой.

— Я слушаю, — наконец произнёс он и отложил бумаги.

— Я пришла поговорить о долге моего мужа. Я понимаю, что юридически…

— Юридически, — перебил он, — твой муж оформил заём на фирму, где ты числишься соучредителем. Ты подписывала документы, не читая. Олег всегда хвастался, что жена подписывает всё, что он принесёт. Говорил, что ты у него ручная.

Слово «ручная» ударило, как пощёчина. Вера вспомнила все те вечера, когда Олег приносил бумаги вместе с бокалом вина, целовал её в шею и говорил «подпиши, солнце, это формальность». И она подписывала, улыбаясь, потому что ей было приятно, что он доверяет ей настолько, чтобы делать её частью своего дела.

— Я не знала, — тихо сказала она. — Мне нужна работа. Я буду отдавать вам всё до копейки, только дайте мне время найти дочь.

Корсаков поднялся медленно, как поднимается человек, которому некуда торопиться. Обошёл стол, остановился за её креслом, и Вера ощутила запах его парфюма, терпкий, холодный, с горечью табака. Он положил ладони на спинку кресла по обе стороны от её плеч и наклонился так близко, что дыхание обожгло её ухо.

— Время? Работу? Ты двенадцать лет варила борщи и выбирала шторы. Что ты умеешь, Вера? Кроме того, чтобы подписывать бумажки, не глядя, и раздвигать ноги по расписанию для мужика, который трахал другую на ваших же простынях?

Она вскочила так резко, что кресло покачнулось, развернулась и замахнулась. Он перехватил её запястье в воздухе легко, почти лениво, и одним движением двинул в сторону, впечатав спиной в холодное стекло. Где-то внизу текли огни машин, сорок два этажа пустоты отделяли её от земли, а перед ней стоял он, и вторую её руку он поймал так же спокойно и прижал оба запястья к стеклу над её головой.

— Отпусти, — прошипела Вера.

— Нет.

Одно короткое слово. Ни угрозы, ни объяснения. Просто «нет», как факт, против которого не бывает возражений. Он навис над ней, и она чувствовала жар его тела сквозь тонкую блузку, чувствовала, как часто поднимается собственная грудь, почти касаясь его рубашки.

— Слушай меня внимательно, потому что повторять я не буду. У тебя нет денег. Нет мужа. Нет дочери. И нет времени. У тебя есть только я. С этой минуты ты будешь делать всё, что я скажу. Приходить, когда я позову. Надевать то, что я выберу. Молчать, когда я захочу тишины, и стонать, когда я захочу слышать твой голос.

Свободной рукой он грубо взял её за подбородок, заставляя поднять лицо, и большим пальцем с нажимом провёл по нижней губе, оттягивая её вниз. Вера понимала, что должна закричать, укусить его, вырваться, но тело предательски замерло. А внизу живота разлилось тяжёлое, стыдное тепло, которого она не чувствовала уже много лет, может быть, никогда.

«Что ты делаешь? — кричало внутри. — Он унижает тебя. Он говорит о тебе как о шлюхе. Оттолкни его!» Но руки были прижаты к стеклу, и ноги не слушались, и она только смотрела в его тёмные глаза и не могла отвести взгляд. Олег касался её мимоходом, по привычке, как касаются старой мебели. А этот человек держал её так, словно уже присвоил.

Его колено властно раздвинуло её ноги, и юбка поползла вверх по бёдрам. Вера судорожно вдохнула.

— Ты будешь делать всё, — повторил он ниже, глуше, прямо ей в губы. — Как я захочу. Где я захочу. И в тех позах, в каких я захочу. Скажи, что поняла.

— Ты не имеешь права…

Он сжал её запястья сильнее, до боли, и она вскрикнула.

— Скажи. Что. Поняла.

— Поняла, — выдохнула Вера, и это слово было похоже на капитуляцию целой армии.

Он смотрел на неё ещё несколько бесконечных секунд, и его взгляд медленно опустился на её губы, потом ниже, на натянувшуюся блузку, на расстёгнутую верхнюю пуговицу, под которой бешено колотилось сердце. Ей показалось, что сейчас он поцелует её. Хуже того, ей

показалось, что она этого хочет. Но он резко отпустил её руки и отступил, и Вера едва не сползла по стеклу.

Корсаков вернулся к столу, взял тонкий лист бумаги и бросил его к её ногам, как бросают кость собаке.

— Подними. Тебе будет интересно.

Она наклонилась, подняла лист дрожащими пальцами и узнала размашистый почерк мужа. Расписка с его подписью и датой за два дня до побега. Строчки плыли перед глазами, пока смысл не ударил её наотмашь:

«В качестве гарантии возврата долга передаю Д. Р. Корсакову право распоряжаться моей женой, Литвиновой Верой Андреевной, до полного погашения задолженности».

Бумага выскользнула из её рук.

— Это бред, — прошептала она. — Это не имеет никакой силы.

— Никакой, — равнодушно согласился Корсаков. — Зато она прекрасно показывает, кем ты была для своего мужа. Залогом. Вещью, которую можно оставить в счёт оплаты, как старую машину. А теперь главное. У меня есть люди, которые найдут твою дочь быстрее любого детектива. Есть судьи, которые вернут её тебе. И я точно знаю, что ты не уйдёшь отсюда, потому что больше тебе идти некуда.

Он снова подошёл вплотную и, не касаясь её, наклонился к самому уху.

— Завтра в восемь утра. Юбка до колена. Без колготок. Ты моя новая секретарша, Вера Андреевна. И очень скоро ты будешь умолять меня о том, чего сейчас так боишься.

Она вышла из кабинета, не помня, как дошла до лифта. И только в кабине, глядя на своё отражение в зеркальной стене, на растрёпанные волосы, пылающие щёки и припухшую от его пальца губу, поняла, что больше всего её пугает вовсе не Корсаков. Её пугало то, что она до сих пор чувствовала на губе след его пальца и не хотела, чтобы он исчезал.

Глава 2

Будильник зазвонил в шесть, но Вера не спала уже давно. Она лежала в темноте и снова и снова проживала вчерашний вечер: холод стекла под лопатками, боль в стиснутых запястьях, тяжесть его колена между ног, хриплое «скажи, что поняла» у самых губ. Каждый раз, когда память доходила до его пальца на её губе, по телу прокатывалась горячая волна, и Вера переворачивалась на другой бок, зарывалась лицом в подушку и ненавидела себя сильнее, чем ненавидела его.

«Это нервы, — убеждала она себя. — Шок. Просто тело, которое слишком долго никто не трогал по-настоящему. Это не я. Это не про меня». Но когда она наконец позволила себе честно вспомнить, как его колено раздвинуло её ноги, внизу живота так сладко и мучительно свело, что ей пришлось сжать бёдра и закусить губу. Она лежала, слушая, как колотится сердце, и думала о том, что у неё забрали дочь, мужа, деньги, дом, а теперь, кажется, начали забирать и её саму.

Юбку до колена она нашла, тёмно-серую, строгую, оставшуюся с тех времён, когда ещё ходила на собеседования. А потом, стоя перед зеркалом, назло ему натянула тонкие телесные колготки. Это был крошечный, почти детский бунт, но ей нужно было хоть что-то, что принадлежало только ей. Хоть какая-то граница, которую она провела сама.

Без пяти восемь она уже сидела в приёмной. Прежняя секретарша, Инга, окинула её быстрым взглядом, задержавшись на ногах, сухо объяснила, где папки и как работает линия, и ушла в соседний отдел с таким видом, будто её не перевели, а помиловали. «Она знает, — подумала Вера, и щёки загорелись. — Все здесь знают, зачем я здесь».

Корсаков появился ровно в восемь. Прошёл мимо, не здороваясь, и лишь у двери бросил через плечо:

— Кофе. Чёрный, без сахара. И зайди.

Руки дрожали, пока она несла чашку, и фарфор тихонько звякал о блюдце. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку, и смотрел не на кофе, а на её ноги. Смотрел так, как смотрят на товар, за который уже заплачено, медленно поднимая взгляд от щиколоток к коленям, от коленей к краю юбки, и Вера чувствовала, где именно сейчас его глаза, словно он вёл по ней не взглядом, а пальцами.

— Поставь. — Она поставила. — Я говорил тебе: без колготок.

— Сейчас ноябрь, — ответила Вера, и ей самой понравилось, как твёрдо это прозвучало. — И я не обязана…

Он встал так резко, что кресло откатилось и ударилось о стену. В два шага оказался рядом, и Вера невольно отступила.

— Не обязана? Ты до сих пор думаешь, что пришла на собеседование. Что можешь торговаться и показывать мне характер. Запомни раз и навсегда: здесь нет твоих «не обязана». Здесь есть только моё «я сказал». Снимай.

— Здесь? — Голос всё-таки сорвался.

— Здесь. И не смей отворачиваться. Смотри на меня.

Он отошёл ровно на шаг, сел на край стола напротив, скрестил руки на груди и замер, как человек, который точно знает, что получит своё.

«Уходи, — сказала себе Вера. — Просто развернись и уходи. Ты не вещь. Ты рожала без анестезии, ты выдержишь и это. Найдёшь другую работу, займёшь, продашь…» Что продашь? Квартира в залоге, машина записана на фирму, серьги уже у детектива. И вдруг, совершенно не к месту, перед глазами встала Алиса в смешной шапке с помпоном, как она в последнее утро спрашивала в прихожей, купит ли мама вечером киндер. Вера не купила. Вечером купить было уже некому.

Она взялась за подол и потянула юбку вверх. Ткань ползла по бёдрам мучительно медленно, прохладный воздух кабинета касался кожи сквозь тонкий капрон, а следом за воздухом её касался его взгляд, тяжёлый, неподвижный, жадный. Она подцепила пальцами резинку на талии и замерла, потому что именно сейчас поняла, насколько это унизительно. И насколько это… Она не позволила себе договорить даже мысленно.

— Ну? — Одно слово, как удар хлыстом.

Она потянула капрон вниз. По бёдрам, по коленям, по хлопковым бежевым трусикам, медленно, потому что руки не слушались. Пришлось наклониться, волосы упали на лицо, и на секунду она обрадовалась этой завесе, но он тут же произнёс:

— Подними голову. Я хочу видеть твоё лицо.

Она подняла и встретилась с ним взглядом. Его глаза совсем потемнели, челюсть была напряжена, на шее билась жилка, и Вера вдруг с изумлением поняла, что он вовсе не так спокоен, как хочет казаться. Он хотел её. Этот холодный, жестокий человек сидел напротив и сжимал пальцами край стола так, что побелели костяшки. И от этого открытия её затопило странным, пьянящим чувством, похожим на власть.

Она стянула колготки с одной ноги, балансируя на каблуке, потом скинула туфлю и стянула с другой. Босые ступни коснулись холодного паркета, юбка всё ещё была приподнята, и она стояла перед ним такая открытая и беззащитная, какой не была даже перед мужем в первую брачную ночь. Стыд жёг щёки, а внизу жгло совсем другое, тёмное и тягучее, и она не могла понять, где кончается одно и начинается другое.

«Господи, что со мной? Он купил меня, как вещь, у человека, которого я любила. Почему же мне так горячо?»

— Опусти юбку, — приказал он хрипло. Она опустила. Он протянул руку ладонью вверх. — Дай сюда.

Вера вложила в его ладонь смятый капрон, ещё хранящий тепло её тела. Корсаков сжал его в кулаке, не отрывая от неё взгляда. У Веры подкосились колени.

— Вот ты какая, когда боишься меня, — произнёс он. — А теперь запомни: каждый раз, когда ты нарушишь мой приказ, я буду тебя наказывать. И каждый раз сильнее. Сегодня ты отделалась легко. Свободна.

Она вышла, не чувствуя ног, прижалась к двери спиной и хватала ртом воздух. Бельё стало влажным, а в голове билась мысль, страшнее всех его угроз: самым унизительным было не то, что он заставил её раздеться. Самым унизительным было то, что ей хотелось, чтобы он не отпускал её так быстро.

День тянулся бесконечно. Он вызывал её каждые полчаса: принести договор, найти номер, переписать письмо, которое и так было написано нормально. Однажды швырнул распечатку ей под ноги со словами «переделай, это мусор», и Вера, сцепив зубы, собирала листы с ковра, чувствуя спиной его взгляд. А когда она потянулась за папкой на верхней полке, он подошёл сзади и прижался к ней всем телом, вдавив в стеллаж, и его горячая ладонь легла ей на бедро, туда, где утром ещё был капрон.

— Видишь, как удобно, — сказал он ей в затылок, медленно ведя ладонью вверх, под юбку, и остановился так близко к краю белья, что Вера перестала дышать. — Вечером ужин с партнёрами. Поедешь со мной. И будешь улыбаться, что бы я ни делал.

Ресторан был из тех, где меню без цен, а официанты двигаются бесшумно, как тени. Партнёров было двое, оба немолодые. Один из них, грузный Аркадий Семёнович прищурился:

— Постойте, вы ведь жена Литвинова? Олега?

Над столом повисла тишина. Под столом ладонь Корсакова легла ей на колено.

— Бывшая, — ответил за неё Дамир. — Теперь Вера Андреевна принадлежит мне.

Не «работает на меня», а принадлежит. Вера почувствовала, как кровь бросилась в лицо, но улыбнулась, потому что Дамир так велел.

— Ну надо же, — протянул Аркадий Семёнович, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на жалость. — Олег, конечно, наломал дров. Говорят, он перед отъездом ещё и с людьми Гаврилова связался…

— Аркадий, — негромко произнёс Корсаков, и тот сразу замолчал, торопливо потянувшись к бокалу.

Весь ужин его рука оставалась у неё на коленях. Пальцы лениво скользили по внутренней стороне бедра, поднимаясь выше, рисуя медленные круги, сжимая так, что наверняка останутся следы, и снова отступая. Вера сидела с застывшей улыбкой, отвечала на вопросы, пила вино, а внутри натягивалась невидимая струна. Каждый раз, когда его пальцы подбирались к самому краю, она переставала слышать разговор, и каждый раз он останавливался ровно за миг до того, как она выдала бы себя стоном. Он ни разу не посмотрел на неё. Обсуждал поставки, смеялся чужим шуткам, а под столом методично, хладнокровно сводил её с ума.

«Он делает это нарочно, — думала Вера, вцепившись в ножку бокала. — Хочет, чтобы я сломалась при всех. Хочет показать, что может сделать со мной что угодно». А потом пришла другая мысль, от которой стало совсем жарко: «И ведь может».

В машине он молчал. Только у её подъезда, когда водитель вышел покурить, развернулся к ней в полумраке салона, схватил за волосы на затылке и потянул назад, заставив запрокинуть голову.

— Ты весь вечер дрожала, — сказал он тихо. — Мокрая, как шлюшка. Думаешь, я не заметил?

— Я тебя ненавижу, — прошептала Вера.

— Ненавидь. — Он провёл губами по её открытой шее, от ключицы до мочки уха, не целуя, только касаясь, и она задохнулась. — Это честнее, чем то, что ты двенадцать лет называла любовью. Завтра в восемь. И если на тебе снова будут колготки, я сниму их сам. При всех.

Он отпустил её, и Вера выбралась из машины на подгибающихся ногах. Дома долго стояла под горячим душем, пытаясь смыть с кожи его запах, но вода не помогала. На бёдрах темнели следы его пальцев, и она ловила себя на том, что трогает их, вспоминая.

Она легла, закрыла глаза, и в ту же секунду телефон на тумбочке коротко завибрировал. Сообщение с незнакомого иностранного номера. Фотография: Алиса спит в чужой кровати под розовым одеялом, обнимая того самого плюшевого зайца, которого Вера искала по всей квартире. А под фотографией одна строчка:

«Не верь Корсакову. Он знает больше, чем говорит. О.»

Глава 3

До утра Вера так и не уснула. Она лежала с телефоном в руке, раз за разом открывая фотографию, увеличивая её до тех пор, пока лицо дочери не рассыпалось на мутные квадратики, и снова уменьшая. Алиса спала на боку, подложив ладошку под щёку, как всегда, и заяц был прижат к её груди. Живая. Тёплая. Где-то там, где мама не может её обнять. Вера написала на тот номер двадцать сообщений, от «Олег, где она?!» до «умоляю, просто скажи, что она здорова», но ни одно не дошло. Номер больше не существовал.

«Не верь Корсакову». Эти три слова царапали изнутри, как осколок стекла. Олег был лжецом, это она уже поняла. Но зачем лжецу предупреждать её? Чтобы напугать? Чтобы отвести от себя подозрения? Или потому, что даже у такого, как он, где-то на дне ещё оставалось что-то человеческое? И что тогда знает Корсаков? Что значит «больше, чем говорит»?

В половине седьмого она стояла перед зеркалом в одном белье и смотрела на синяки на внутренней стороне бёдер. Четыре тёмных пятна от пальцев с каждой стороны. Она провела по ним кончиками пальцев, и кожа отозвалась тупой сладкой болью, а память тут же подкинула ресторанную скатерть, звон бокалов и его ладонь, ползущую всё выше. Вера резко отдёрнула руку.

Колготки она не надела. Достала их из ящика, подержала в руках и убрала обратно. «Это не потому, что он велел, — сказала она себе. — Это потому, что мне нужно его доверие. Мне нужно, чтобы он расслабился. Я буду послушной, а сама узнаю, что он скрывает». Она почти поверила в это. Почти.

Корсаков пришёл в восемь. Остановился у её стола, медленно оглядел её ноги, и на его лице не дрогнул ни один мускул, только глаза потемнели.

— Встань.

Она встала.

— Повернись.

Она повернулась, чувствуя себя лошадью на торгах, и в ту же секунду ощутила его руку на затылке. Он легко, почти небрежно намотал её волосы на кулак и чуть потянул назад, заставив выгнуться.

— Видишь, как просто, когда ты слушаешься, — сказал он ей в ухо. — Мне не нужно тебя ломать. Ты гнёшься сама.

Он отпустил её и ушёл в кабинет, а Вера осталась стоять, вцепившись в край стола и проклиная себя за то, что от его слов у неё сбилось дыхание.

Шанс выпал после обеда. Корсаков уехал на встречу, предупредив, что вернётся к пяти, и Инга, заглянув в приёмную, мимоходом бросила, что у шефа привычка никогда не опаздывать. Вера дождалась, пока затихнут шаги в коридоре, и вошла в пустой кабинет.

Сердце билось так громко, что ей казалось, его слышно на всём этаже. Она понимала, что делает безумие. Что, если он узнает, то… Что? Выгонит? Нет. Хуже. Он придумает что-нибудь гораздо хуже. И от этой мысли по спине пробежал холодок, перемешанный с чем-то совсем не холодным.

Верхние ящики стола были забиты договорами. Средний заперт. Вера вспомнила, как утром он доставал из кармана пиджака маленький ключ, и пиджак этот сейчас висел на спинке кресла. Он забыл его, уходя в одной рубашке. Пальцы дрожали, когда она нашла ключ, и дрожали ещё сильнее, когда замок мягко щёлкнул.

Внутри лежала тонкая серая папка. На обложке от руки было написано: «Литвинова В. А.».

Не «Литвинов». Литвинова.

Вера открыла её и застыла. Сверху лежали её фотографии. Не сегодняшние и не вчерашние. Вот она пять лет назад выходит из детского сада, держа Алису за руку. Вот смеётся на летней веранде ресторана, запрокинув голову, в том голубом платье, которое Олег назвал вульгарным, и больше она его не надевала. Вот стоит у окна своей кухни, а снимок сделан с улицы, снизу, через стекло. Её жизнь. Её обычная, скучная, домашняя жизнь, разложенная по датам в чужом столе.

Под фотографиями лежала справка на какого-то Гаврилова Э. С. и выписки со счетов с суммами, от которых у неё зарябило в глазах. А в самом конце, на отдельном листе, было всего две строчки, написанные тем же почерком, что и надпись на обложке: «Лимассол. Ждать».

— Нашла что-нибудь интересное?

Голос раздался от двери, и Вера выронила папку. Фотографии веером разлетелись по ковру, и она стояла посреди них, как преступница посреди улик. Корсаков вошёл и медленно закрыл за собой дверь. Повернул ключ в замке. Звук был тихим, но Вере показалось, что за её спиной захлопнулась решётка.

— Ты сказал, что вернёшься к пяти, — выдохнула она, как будто это что-то объясняло.

— Я сказал это Инге. А Инга сказала тебе. — Он шёл к ней неторопливо, переступая через снимки. — Мне было интересно, сколько ты продержишься. Полдня. Я ставил на день.

— Что это? — Голос сорвался на крик, и она ткнула пальцем в разбросанные фотографии. — Ты следил за мной! Годами! Что значит «Лимассол»? Ты знаешь, где моя дочь? Отвечай!

Он не ответил. Он схватил её за запястье, рывком развернул и толкнул грудью на стол, так что ладони Веры упёрлись в полированное дерево, а щека едва не коснулась столешницы. Его рука легла ей между лопаток, тяжёлая, как плита, и прижала, не давая подняться.

— Я предупреждал тебя, — произнёс он ровно, и от этого ровного тона ей стало по-настоящему страшно. — Каждое нарушение — наказание. Ты залезла в мой стол. Взяла мой ключ. Сунула нос туда, куда я тебя не звал.

— Пусти!

— Нет.

Он задрал её юбку одним резким движением, до самой поясницы, и Вера задохнулась, почувствовав, как прохладный воздух касается кожи. Она дёрнулась, но его ладонь только сильнее вдавила её в стол.

— Считай, — приказал он.

Первый удар ладонью обжёг так, что она вскрикнула, больше от неожиданности, чем от боли. Кожа вспыхнула огнём.

— Я сказал: считай.

— Один, — прошептала Вера, и ненависть к нему смешалась с ненавистью к себе, потому что голос прозвучал вовсе не так, как должен звучать голос униженной женщины.

Второй удар. Третий. Она считала, глотая слёзы и слова, и где-то на пятом поняла, что жгучая боль растекается по телу не болью, а жаром, и что она уже не вырывается, а лежит, вцепившись пальцами в край стола, и ждёт следующего. «Нет, — кричала она себе. — Нет, нет, только не это, только не с ним». Но тело не слушало. Тело, двенадцать лет получавшее вежливые супружеские прикосновения раз в неделю по субботам, вдруг проснулось и требовало ещё.

После седьмого он остановился. Его ладонь легла на пылающую кожу, медленно, почти нежно провела по ней, и Вера закусила губу, чтобы не застонать.

— Вот так, — сказал он тихо. — Теперь ты запомнишь.

Он отпустил её, и она выпрямилась, одёргивая юбку дрожащими руками. Слёзы текли по щекам, волосы растрепались, и она развернулась к нему, готовая ударить, закричать, плюнуть ему в лицо. Но он оказался слишком близко. Обхватил ладонью её затылок, и прежде, чем она успела что-то сказать, его губы впились в её губы.

Это не было похоже ни на один поцелуй в её жизни. Он целовал её жёстко, глубоко, требовательно, словно наказывал и этим тоже, прикусывая нижнюю губу, вторгаясь, забирая дыхание. Вера упёрлась ладонями ему в грудь, чтобы оттолкнуть, и не оттолкнула. Её пальцы сами собой сжали ткань его рубашки, тело само подалось навстречу, и она услышала стон, свой собственный стон, тихий и жалобный, и не узнала его.

Он оторвался от неё так же резко, как начал. Дышал тяжело, и в глазах у него горело то самое, что она видела вчера в кабинете, только теперь он даже не пытался этого скрывать.

— Собери фотографии, — сказал он хрипло. — Сложи в папку. Положи на место. И никогда больше не лезь в мои дела.

— Ты знаешь, где она, — прошептала Вера, глядя на него сквозь слёзы. — Скажи мне только одно. Ты знаешь, где моя дочь?

Он долго смотрел на неё, и что-то мелькнуло в его лице, что-то похожее на боль, но тут же исчезло.

— Иди домой, Вера.

Она собрала снимки. Сложила их в папку. Положила на место. И ушла, унося с собой горящие губы, горящую кожу под юбкой и горящий вопрос, на который он так и не ответил.

Детектив позвонил, когда она уже подходила к подъезду.

— Вера Андреевна, у меня новости, — голос у него был странный, неуверенный. — Литвинова видели на Кипре. В Лимассоле. Но тут такое дело… Вчера ко мне приходили люди. Сказали, что ваш счёт полностью оплачен на год вперёд и что я должен докладывать о каждом шаге не вам, а им.

— Какие люди? — Вера остановилась посреди двора, и холодный ноябрьский ветер ударил ей в лицо. — Кто оплатил?

Детектив помолчал.

— Корсаков.

Глава 4

Она не помнила, как добралась до его дома. Помнила такси, мокрые огни за окном, собственные пальцы, отбивающие дробь по колену, и адрес, который выудила из базы секретарши. Помнила охранника внизу, который даже не спросил её фамилию, просто кивнул и вызвал лифт, словно её здесь давно ждали. Эта мысль обожгла сильнее ноябрьского ветра: он знал, что она придёт.

Дверь на двадцать третьем этаже открылась прежде, чем Вера успела постучать. Корсаков стоял на пороге в расстёгнутой тёмной рубашке, босиком, с бокалом виски в руке, и смотрел на неё без малейшего удивления.

— Ты перекупил моего детектива, — сказала она, не переступая порога. — Ты пять лет следил за мной. Ты знаешь, где моя дочь. Я хочу правду.

— Правду, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Правда стоит дорого, Вера. Ты уверена, что готова платить?

— Сколько?

Он усмехнулся, отступил в сторону и кивнул вглубь квартиры.

— Входи. Дверь не заперта и не будет заперта всю ночь. Захочешь уйти — уйдёшь. Но каждый раз, когда ты сделаешь то, что я скажу, я отвечу тебе на один вопрос. Каждый раз, когда откажешься, игра закончится. Навсегда.

Квартира была огромной и почти пустой. Стекло от пола до потолка, город внизу, низкий диван, тяжёлое кожаное кресло, на котором он и устроился, вытянув ноги и покачивая бокал. Вера остановилась посреди комнаты, сжимая ремешок сумки, и ждала. Сердце колотилось где-то в горле.

— Сними пальто, — сказал он. Она сняла. — Туфли. — Сняла. — Блузку и юбку.

— Дамир…

— Вопрос номер один ещё не заработан. Можешь уйти.

Вера смотрела на него, и в голове крутилась одна мысль: «Это ради Алисы. Только ради Алисы. Я раздеваюсь не перед мужчиной, а перед замком, к которому нет другого ключа». Она расстегнула блузку, пуговицу за пуговицей, стянула юбку и осталась стоять в чёрном белье посреди чужой гостиной. Холодный воздух коснулся кожи, и следом его коснулся взгляд Корсакова, медленный, тяжёлый, неторопливый, как будто у него была вся ночь.

— Хорошо, — произнёс он. — Теперь на колени.

Она опустилась на паркет. Пол был холодным, колени заныли сразу.

— А теперь ползи ко мне.

Вера замерла. Между ними было метров пять, пять метров гладкого тёмного пола, залитого отсветами города, и этот путь вдруг показался ей длиннее всей её жизни. Ползти. На четвереньках. Перед мужчиной, который купил её у мужа. Она представила, как это выглядит со стороны, и щёки обожгло таким стыдом, что потемнело в глазах.

— Это унизительно, — прошептала она.

— Да, — спокойно согласился он. — Именно поэтому.

Она опустила ладони на пол. Подалась вперёд. И поползла, медленно, неловко, чувствуя, как каждое движение выставляет её напоказ, как его взгляд скользит по изгибу спины, по бёдрам, по волосам, упавшим на лицо. Где-то на середине пути она поняла, что уже не думает об Алисе. Она думает о том, как он на неё смотрит. О том, что ему нравится. И от этого понимания внутри разлилось тягучее, предательское тепло.

Она остановилась у его ног. Он не шевелился.

— Задавай свой вопрос.

— Где моя дочь?

— На Кипре, — ответил он. — Это ты и так знаешь. Неудачный вопрос, Вера. Ты потратила его впустую.

Ей хотелось закричать от бессилия. Он улыбнулся, протянул руку и почти ласково убрал прядь волос с её лица.

— Учись спрашивать правильно. Следующее задание. В спальне на кровати лежит мой галстук. Принеси его. В зубах.

— Ты издеваешься.

— Безусловно.

Она поползла в спальню. В полутьме нашла на покрывале шёлковую полосу галстука, наклонилась и взяла её зубами, и ткань пахла им, его парфюмом, табаком и кожей, так остро, что у неё на секунду закружилась голова. Обратный путь был мучительнее. Галстук свисал из её рта, как у послушной собаки, и Вера ползла к нему через всю комнату, ощущая себя одновременно жалкой и странно, невыносимо возбуждённой. Он ждал её с тем же спокойным лицом, но, когда она подползла и подняла голову, протягивая ему галстук, она увидела, как дёрнулся кадык на его шее.

Он взял галстук из её зубов медленно, нарочно задев пальцами её губы.

— Умница. Спрашивай.

На этот раз она думала долго.

— Кто такой Гаврилов?

— Человек, которому твой муж должен куда больше, чем мне, — ответил Корсаков. — И человек, который очень хотел бы познакомиться с тобой поближе. Радуйся, что ты стоишь на коленях передо мной, а не перед ним.

— Что это значит?

— Это значит, что за следующий ответ придётся заплатить дороже.

Он накинул галстук ей на шею, как поводок, свободно, не затягивая, и легонько потянул к себе, так что ей пришлось прижаться щекой к его колену.

— Потрись об меня, — сказал он тихо. — Как кошка, которая хочет, чтобы её погладили.

«Нет», — сказала себе Вера. И потёрлась щекой о его колено, медленно, сквозь тонкую ткань брюк ощущая жар его тела. Потом ещё раз, выше, по бедру. Он запустил пальцы ей в волосы и начал гладить, неторопливо, от макушки до затылка, и от этой простой, почти невинной ласки у неё побежали мурашки по всему телу. Олег никогда не гладил её так. Олег вообще давно перестал её трогать без повода. А этот человек унижал её и одновременно касался так, будто она была самым ценным, что у него есть, и от этой путаницы её разрывало изнутри.

— Хорошая девочка, — пробормотал он, и она закрыла глаза, ненавидя себя за то, как отозвалось на эти слова её тело.

— Кристина, — прошептала она, не открывая глаз. — Кто она?

Его рука на мгновение замерла в её волосах.

— Не та, за кого себя выдаёт, — ответил он после паузы. — Больше ты за эту цену не узнаешь.

Он отпустил её и откинулся в кресле, взял со столика тарелку с виноградом. Оторвал ягоду и протянул ей, не разжимая пальцев.

— Ешь. Из моих рук.

Она взяла ягоду губами, и сок брызнул ей на подбородок. Он стёр его большим пальцем и поднёс палец к её губам, и Вера, глядя ему прямо в глаза, медленно слизнула сладкую каплю. Он выдохнул сквозь зубы. Его лицо оставалось неподвижным, но рука, державшая тарелку, напряглась так, что побелели костяшки, и Вера вдруг поняла, что эта игра даётся ему не легче, чем ей. Он хочет её. Он едва держится. И весь его холодный контроль — это стена, которая трещит прямо сейчас, у неё на глазах.

Это открытие опьянило её сильнее вина.

Он кормил её виноградом, ягоду за ягодой, а потом велел принести ему бокал из бара на другом конце комнаты, и она снова ползла через гостиную с галстуком на шее, неся тонкую ножку бокала в зубах, и уже не чувствовала холода пола. Потом он велел ей сидеть у его ног, положив голову ему на колено, пока он читал что-то в телефоне, и она сидела, слушая стук собственного сердца и ровное дыхание над головой, и думала о том, что сошла с ума. Что ещё совсем недавно она была матерью, женой, хозяйкой дома, а теперь сидит полуголая на полу у ног человека, который превращает её в своё домашнее животное, и ей хорошо. Ей до слёз хорошо.

— Последний вопрос на сегодня, — сказал он наконец, откладывая телефон. — Подумай как следует.

— Ты видел мою дочь? — спросила Вера. — Сам. Своими глазами.

Он не ответил. Он смотрел на неё сверху вниз, долго, тяжело, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего она не смогла прочитать.

— Этот вопрос стоит дороже всего, что ты сегодня заплатила.

Он встал и ушёл на кухню, а Вера осталась сидеть на полу. Ноги затекли, колени горели, и, поднимаясь, она неловко схватилась за край низкого столика у кресла. Ящик под столешницей выдвинулся сам, и из него выскользнул и упал на пол глянцевый снимок.

Вера наклонилась поднять его и перестала дышать.

На фотографии была Алиса. Загорелая, в незнакомом жёлтом сарафане, с косичками, которые Вера никогда ей так не заплетала. Она сидела на садовых качелях под апельсиновым деревом и смеялась, запрокинув голову, а рядом с ней, держа цепь качелей одной рукой, стоял мужчина. Лица его в кадр не попало. Только широкое плечо в светлой рубашке и рука с часами. С теми самыми часами, которые сейчас лежали на столике у кресла, в метре от неё.

На обороте той же рукой, что и на папке в его кабинете, было выведено: «Лимассол. 2 ноября».

Четыре дня назад. Четыре дня назад, когда она рыдала на полу в детской, он стоял рядом с её дочерью и качал её на качелях.

— Положи на место.

Голос раздался у неё за спиной, и Вера медленно обернулась. Корсаков стоял в дверях кухни, и на его лице не было ни злости, ни испуга, ни раскаяния. Только спокойное, тёмное, голодное ожидание.

— Ты был с ней, — прошептала Вера. Снимок дрожал в её пальцах. — Ты был с моей дочерью и молчал. Что ты с ней сделал? Почему она там? Что ты…

— Ты задала свой вопрос, — перебил он. — И я сказал тебе цену.

Он подошёл, забрал фотографию из её рук, положил в ящик и задвинул его. Потом взял за конец галстук, всё ещё висевший у неё на шее, и медленно намотал его на кулак, притягивая её к себе, пока между ними не осталось ни сантиметра.

— Хочешь знать, что было в Лимассоле? — спросил он ей в губы. — Тогда иди в спальню, Вера. На коленях. И на этот раз ты заплатишь всем.

Он отпустил галстук и ждал. Вера смотрела на дверь спальни, за которой была темнота, и на входную дверь, которая, как он и обещал, оставалась незапертой. Она знала, что должна уйти. Знала, что этот человек держит в руках её ребёнка и играет ею, как кошка мышью.

И медленно опустилась на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.